

Т. Г. ИВАНОВА

**ОТДЕЛ ФОЛЬКЛОРА
ИНСТИТУТА ЛИТЕРАТУРЫ АН СССР
В 1939—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1941 г.**

В 1920—1930-е гг. в Ленинграде фольклористика последовательно была сосредоточена в разных научных учреждениях, выступавших преемниками по отношению друг к другу в области изучения народной культуры. В 1920-е гг. мощная команда специалистов по устной поэзии сложилась в Государственном институте истории искусств (ГИИИ), который в 1926—1929 гг. совершил четыре знаменитые комплексные экспедиции на Русский Север: Заонежье (1926), Пинега (1927), Мезень (1928), Печора (1929). В результате этих поездок образовался костяк ленинградской фольклористики того времени (словесники А. М. Астахова, А. И. Никифоров, Н. П. Колпакова и И. В. Карнаухова, музыковеды Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд).

В 1930 г. Кабинет фольклора города и деревни в Государственном институте истории искусств возглавил М. К. Азадовский, только что переехавший из Иркутска в Ленинград. В 1931 г. ГИИИ был преобразован в Государственную академию искусствознания (ГАИС), из которой фольклористика была переведена в Институт по изучению народов СССР (ИПИИ). В этом учреждении ленинградская фольклористика (М. К. Азадовский, А. М. Астахова, И. В. Карнаухова, А. Н. Нечаев, Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, П. Г. Ширяева, аспирантки А. Н. Лозанова и З. Н. Куприянова) существовала с апреля 1931 по февраль 1933 г., когда ИПИИ слился с Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамерой), образовав Институт антропологии и этнографии АН СССР (ИАЭ). Соответственно Фольклорная секция народов СССР (с 1937 г. — комиссия), руководимая М. К. Азадовским, с февраля 1933 по

начало 1939 г. была структурной единицей этого Института.¹ В 1939 г. произошли новые изменения в статусе ленинградских фольклористов, возглавляемых М. К. Азадовским, о чем свидетельствуют документы, хранящиеся в Петербургском филиале Архива Российской Академии наук в фонде Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (СПФ АРАН, ф. 150).

Перевод Фольклорной комиссии народов СССР из Института этнографии АН СССР в Институт литературы АН СССР² был вызван очередными, далеко не первыми при советской власти, структурными преобразованиями внутри Академии наук. По Уставу 1927 г. в Академии наук было два Отделения: Отделение физико-математических наук и Отделение гуманитарных наук (история, филология, социология, экономика и др.). Устав 1930 г. также утвердил два Отделения: Отделение математических и естественных наук и Отделение общественных наук. Устав 1935 г. изменил структуру Академии наук, разделив ее на три Отделения: Отделение общественных наук, Отделение математических и естественных наук и Отделение технических наук. Наконец, в 1938 г. в связи с ростом числа научно-исследовательских институтов и лабораторий в системе Академии наук было создано 8 Отделений: физико-математических наук; химических наук; геолого-географических наук; биологических наук; технических наук; экономики и права; истории и философии; литературы и языка.

На первый взгляд было бы вполне логично, если бы при таком структурном делении Фольклорная комиссия оставалась, как и Институт этнографии, при котором она существовала, в Отделении истории и философии. Однако общий вектор развития науки — неоднократно проговоренное в различных трудах сближение фольклористики с литературой — предполагал и другое решение, согласно которому Фольклорная комиссия сопоставлялась бы с научными структурными подразделениями, изучающими разные аспекты филологии. Последняя позиция и была принята Президиумом АН СССР.

Решение о переводе Фольклорной комиссии из Института этнографии в Институт литературы состоялось 11 декабря 1938 г. В выписке из протокола заседания Президиума говорится: «Считать целесообразным, при организационном разделении в системе Академии наук СССР дисциплин собственно исторических и филологических, создание единого центра научно-фольк-

¹ См. подробнее в моих работах: Фольклористика в Государственном институте истории искусств в 1920-е гг. // Русский фольклор : Материалы и исследования. СПб., 2004. Т. 32. С. 48—66; История русской фольклористики XX века : 1900—первая половина 1941 г. СПб., 2009.

² Институт литературы АН СССР — название Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН на конец 1930-х гг.

лорной работы при Отделении языка и литературы АН СССР, и передать Фольклорную комиссию Института этнографии АН Институту литературы АН СССР».³ Как можно понять из процитированной выписки из протокола, решение было принято в результате доклада академика А. М. Деборина.⁴

Предполагаемый перевод Фольклорной комиссии в Институт литературы, судя по всему, взволновал ленинградское фольклористическое научное сообщество: ученые высказывали опасение, что в рамках Пушкинского Дома они не смогут полноценно заниматься изучением этнографической составляющей фольклорной культуры. В связи с этим в решении о Фольклорной комиссии Президиум АН СССР отметил также следующее: «Одновременно Президиум АН считает необходимым, чтобы новые организационные формы научно-фольклорной работы не сужали бы теоретической и практической научной базы советской фольклористики исключительно литературоведческого изучения фольклора (так! — *Т. И.*), а представляли бы широкие возможности продолжения органической связи фольклористики с этнографией и лингвистикой, с которыми ее объединяет целый ряд общих проблем и методов исследования».⁵ Данное пожелание, как известно, так и осталось пожеланием: отечественная фольклористика на протяжении 1930—1950-х гг. в силу многих причин развивалась исключительно в русле литературоведения.

Фактическое присоединение Фольклорной комиссии к Пушкинскому Дому происходило в январе—феврале 1939 г. В Петербургском филиале Архива Академии наук сохранился документ на бланке Института этнографии, датированный 15 января 1939 г.:

Директору Института литературы АН СССР

Институт этнографии АН просит в ближайшие дни выделить представителя Вашего Института в комиссию по передаче Фольклорной комиссии ИЭ Институту литературы и сообщить ИЭ, кто именно выделен Вами в приемно-сдаточную комиссию.

Директор, академик В. В. Струве
Ученый секретарь С. М. Абрамзон.⁶

³ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 11, л. 33.

⁴ Деборин (настоящая фамилия Иоффе) Абрам Моисеевич (1881—1963) — философ, академик АН СССР (1929). Образование получил на философском факультете Бернского университета (1908). С конца 1890-х гг. участвовал в революционном движении; в разные периоды был близок к меньшевикам и большевикам.

⁵ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 11, л. 33.

⁶ Там же, л. 4. Вместо ученого секретаря подписался его помощник Н. И. Насепин.

20 января ученый секретарь Института литературы Ф. Ф. Канаев⁷ в ответном письме⁸ называл состав приемно-сдаточной комиссии, в которую были назначены он сам, помощник директора по административно-хозяйственной части А. Ф. Канайлов и старший научный сотрудник А. Л. Дымшиц. Включение в комиссию Александра Львовича Дымшица (1910—1975) было вызвано, по-видимому, тем, что на данный момент он был чуть ли не единственным в Институте литературы сотрудником, отчасти занимавшимся проблемами фольклора: в 1936 г. в Ленинградском государственном педагогическом институте он защитил кандидатскую диссертацию «Очерки из истории ранней пролетарской поэзии и рабочего фольклора».

17 февраля члены сдаточной комиссии от Института этнографии Д. К. Зеленин, М. О. Скрипиль и А. М. Астахова составили «Акт о приемке и передаче материалов Фольклорной комиссии». Согласно этому акту, справочная библиотека Комиссии на этот период насчитывала 1028 единиц библиографических описаний. В число этих единиц не был включен неполный комплект «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (без 16-го и 32-го томов, которые и в настоящее время в подсобной библиотеке Отдела фольклора Пушкинского Дома отсутствуют). В библиотеке было также 5 альбомов газетных вырезок на темы «Ленин и Сталин в фольклоре народов СССР», «Частушки», «Творчество народов СССР», «Песни народов СССР» и «Сказки и сказы народов СССР». Вместе со справочной библиотекой в Институт литературы поступало 6 библиографических карточек, а также картотека песен, приобретенная у В. И. Чернышева (70 000 карточек).

Помимо библиотеки Фольклорная комиссия передавала в Пушкинский Дом свой рукописный архив: 90 коллекций устно-поэтических записей (388 основных папок и 110 дублетных папок); еще 6 коллекций, не вошедших в опись, т. е. не прошедших архивную обработку (49 основных папок и 1 дублетная); фонд В. М. Жирмунского «Песни немцев СССР» (33 папки; 3937 текстов); 21 картотека (11 ящиков и 2 папки). Отдельную коллекцию составляли 633 негатива фотографий.

Фонограммархив Фольклорной комиссии к этому времени насчитывал 4528 фоноваликов, внесенных в инвентарные книги, а также 155 фоноваликов, опись которых еще не была составлена. В Институт литературы передавалось 699 рабочих валиков, не-

⁷ Канаев Филипп Фролович (1899—между 1941 и 1945) — окончил Институт красной профессуры (1932). 10 июня 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию «Идеи и образы „Жизни Клина Самгина“ М. Горького». Погиб во время Великой Отечественной войны.

⁸ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 11, л. 5.

большая подсобная библиотека (47 книг и 447 нотных изданий), 88 папок с нотными расшифровками народных песен (5044 текста) и 26 папок с рукописными текстами песен народов СССР.⁹

25 февраля 1939 г. в сохранившейся в СПФ АРАН записке Ф. Ф. Канаев просил М. К. Азадовского позвонить ему, чтобы договориться о включении плана работы Фольклорной комиссии в общий план Института на март 1939 г.¹⁰ С 1 марта 1939 г. члены Фольклорной комиссии — М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, А. М. Астахова, Е. В. Гиппиус, А. Н. Лозанова, П. Г. Ширяева, З. В. Эвальд — по документам уже числятся в штате Института литературы.

В рамках Института литературы Фольклорная комиссия народов СССР была переименована в соответствии со структурой этого учреждения в Отдел. Сохранилось «Положение Отдела фольклора народов СССР (т. е. Положение об Отделе. — *Т. И.*) в системе Института литературы АН СССР и его задачи». Документ не датирован, но, надо полагать, он относится к первым месяцам пребывания команды М. К. Азадовского в стенах Пушкинского Дома. Задачи Отдела формулировались следующим образом:

«а) разработка вопросов исследования фольклора народов СССР (словесного и музыкального) и истории фольклористики на основе марксистско-ленинской теории; подготовка к печати исследований и учебных пособий по истории фольклора и фольклористики.

б) собирание и изучение материалов нового советского фольклора и фольклорного наследия народов СССР (словесного и музыкального) и подготовка к печати научных и научно-популярных публикаций фольклорных материалов».¹¹

Фактически «Положение» закрепляло все те направления работы, которые сложились в Фольклорной комиссии народов СССР еще в ее бытность в Институте этнографии: областью исследования оставался фольклор народов СССР, а не только русская народная поэзия; равное значение имело изучение как словесного, так и музыкального фольклора; предметом исследования должны были быть и сами фольклорные формы и жанры, и история фольклористики как научной дисциплины. В соответствии с идеологическим диктатом того времени в формулировке задач Отдела фольклора народов СССР были введены ссылки на марксистско-ленинскую теорию, а также необходимость изучения «нового советского фольклора».

⁹ Там же, л. 8—9.

¹⁰ Там же, л. 10.

¹¹ Там же, л. 71.

По «Положению» Отдел фольклора сохранял структуру, сложившуюся еще в Институте по изучению народов СССР (1931—1933) и окончательно оформившуюся в Институте этнографии: словесная часть (рукописное фольклорное хранилище и справочная библиотека) и музыкальная часть (фонограммархив, справочная библиотека и лаборатория в виде студии стационарной звукозаписи, а также создаваемой в это время гальванопластической и технической мастерской).

В конце 1930-х гг. Фольклорная комиссия народов СССР (а затем и Отдел фольклора народов СССР) решал важную для него проблему штатов. В Архиве Академии наук сохранился недатированный документ, названный «Штатное расписание Фольклорной комиссии при Институте литературы Академии наук СССР на 1939 г.».¹² Из него следует, что на предыдущий 1938 г. для Фольклорной комиссии был утвержден штат в 12 человек: заведующий Фольклорной комиссией (он же — заведующий отделом словесного фольклора); заведующий Фонограммархивом (он же — заведующий отделом музыкального фольклора); ученый секретарь; старшие научные сотрудники (3 ставки); младшие научные сотрудники (4 ставки); научно-технический сотрудник; уборщица. В действительности научные силы Фольклорной комиссии, напомним еще раз, составляли 7 человек. Как можно понять, в 1938 г. шла напряженная работа по оснащению технической мастерской (гальванопластической лаборатории), в которую были вложены уже немалые средства. На 1939 г. М. К. Азадовский в дополнение к штатному расписанию 1938 г. просил еще полставки для инженера-химика по гальванопластике, ставок для техника гальванопластики и сменного ночного техника.

Одновременно руководитель Отдела фольклора ставил вопрос о специальных ставках для архивистов. В обосновании сметы на 1939 г., составленной во второй половине 1938 г. еще в стенах Института этнографии, по этому поводу говорилось: «Два крупнейших архива Фольклорной комиссии (рукописный и фонограммархив) не имеют ни одного специального архивного работника. В результате работа обоих этих архивов мирового значения до сих пор не упорядочена. Переход всех архивов СССР в ведение Архивного управления и упорядочение в настоящее время всей архивной работы СССР — ставят перед Академией наук неотложную задачу срочно привести в порядок ее архивные богатства. Учитывая специфику обоих архивов (архив рукописей и архив звукозаписей), с 1939 г. необходимо выделение 2 единиц — специалистов-архивистов по рукописному хранению и по хранению звукозаписей — 2 оклада младших научных сотрудни-

¹² Там же, л. 16.

ков...».¹³ В Пушкинском Доме вторым (наряду с А. М. Астаховой) хранителем рукописного фольклорного архива вскоре стала В. А. Кравчинская, а хранителем Фонограммархива — С. Д. Магид, которая неоднократно уже привлекалась для работы с коллекциями фоноваликов (по договорам), но в штаты Фольклорной комиссии до сих пор не входила.

В связи с темой научных кадров Отдела фольклора остановимся на одном любопытном эпизоде декабря 1939 г. Насколько мы знаем, эта страница в истории отечественной фольклористики еще никогда не освещалась. Ряд документов свидетельствует, что в это время М. К. Азадовский и З. В. Эвальд были выдвинуты Академией наук Белорусской ССР в члены-корреспонденты. Выдвижение ленинградских ученых в члены Белорусской академии в условиях конца 1930-х гг. было вполне объяснимым. Напомним, что в это время шло строительство академий в союзных республиках СССР. Белорусская академия наук (именно таковым было первоначальное название) была создана 1 января 1929 г. на базе фактически первого научно-исследовательского и культурно-общественного учреждения республики — Института белорусской культуры (Инбелкульт) (1922—1928); с 1936 г. появилось новое название — Академия наук Белоруссии. Первым президентом Академии наук стал историк профессор В. М. Игнатовский. На день открытия штат Академии наук составлял только 128 человек, из них лишь 87 являлись научными сотрудниками. В конце 1930-х гг. Академия наук Белоруссии начала обзаводиться своими членами-корреспондентами и академиками.

2 декабря 1939 г. из Белоруссии в Институт литературы было послано письмо следующего содержания: «Ученым Советом Института истории АН БССР выдвинуты кандидатуры гг. Эвальда и Озадовского (так! — *Т. И.*) в члены-корреспонденты» на предстоящих выборах АН БССР. В связи с этим отдел кадров Академии наук БССР убедительно просит Вас выслать в наш адрес к 6.XII 1939 года общие характеристики научных работ тов. Эвальд и Озадовского, их значение для науки и социалистического строительства СССР (характеристика на каждого отдельно)».¹⁴

Вопрос, почему именно М. К. Азадовский и З. В. Эвальд были выбраны белорусскими коллегами для выдвижения на звание члена-корреспондента, находит свой ответ и в научных биографиях кандидатов, и в общем контексте происходящих событий. Напомним, что летом 1932 г., еще в бытность Фольклорной секции в Институте по изучению народов СССР, состоялась экспедиция, организованная ИПИН совместно с Белорусской

¹³ Там же, л. 24.

¹⁴ Там же, оп. 1-1940, № 32, л. 21.

академией наук. От ИПИН в поездке участвовала З. В. Эвальд. Вместе с нею песни белорусского народа собирали студенты Ленинградского историко-лингвистического института (ЛИЛИ; впоследствии — филологический факультет Ленинградского государственного университета) М. Л. Супер и Ф. А. Наркевич (надо полагать, белорусы по происхождению), а также сотрудник АН БССР М. А. Гринблат. Маршрут был составлен таким образом, чтобы обследовать разные по своим характеристикам регионы: экономически развитый Петриковский и изолированный Туровский районы. Предметом внимания ученых был прежде всего музыкальный фольклор — как архаическая лирика, так и революционные песни. Свою задачу собиратели формулировали следующим образом: «... выяснить соотношение и взаимодействие различных видов реликтового фольклора в различных социальных группах и обусловленность этого соотношения спецификой процессов общественно-экономического развития и классовой борьбы и темпами социального строительства в различных районах Полесья».¹⁵ Впоследствии З. В. Эвальд повторно вместе с Е. В. Гиппиусом совершила еще одну экспедицию в Белоруссию (1934). Напомним, что в методологическом плане для изучения календарных обрядов в свое время большую роль сыграла ее статья «Социальное переосмысление жнивных песен белорусского Полесья».¹⁶ В 1939 г. был уже готов и на следующий год вышел в свет составленный М. Я. Гринблатом под редакцией З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиуса сборник «Песні беларускага народа» (Мінск, 1940. Т. 1); в 1941 г. были изданы «Белорусские народные песни», открывшие серию «Песни народов СССР», о которой мы еще скажем ниже. Таким образом, выбор белорусскими коллегами именно З. В. Эвальд в качестве кандидата на звание члена-корреспондента АН БССР был вполне логичен.¹⁷

В том же 1939 г. Академия наук Украинской ССР, решая те же задачи, что АН БССР, избрала в свои действительные члены москвича Ю. М. Соколова — второго наряду с М. К. Азадовским главу отечественной фольклористики того времени. Белорусские

¹⁵ Эвальд З. В. Фольклорная работа в Полесской экспедиции // Советская этнография. 1934. № 1/2. С. 220.

¹⁶ Эвальд З. В. Социальное переосмысление жнивных песен белорусского Полесья // Советская этнография. 1934. № 5. С. 17—39. Переизд.: Эвальд З. В. Социальное переосмысление жнивных песен белорусского Полесья // Эвальд З. В. Песни белорусского Полесья / Под ред. Е. В. Гиппиуса. М.: Сов. композитор, 1979. С. 15—32.

¹⁷ См. о вкладе З. В. Эвальд в белорусскую этномузыкологию: Гиппиус Е. В. З. В. Эвальд и ее исследования белорусского народного песенного искусства // Гиппиус Е. В. Избранные труды в контексте белорусской этномузыкологии. Минск, 2004. С. 219—236.

ученые в свою очередь решили остановить свой выбор на руководителе ленинградской фольклористики.

Институт литературы явно не спешил с ответом на письмо из Минска. Ученый секретарь Ф. Ф. Канаев без указаний директора П. И. Лебедева-Полянского,¹⁸ проживавшего в Москве и периодически несколько раз в месяц приезжавшего в Ленинград, брать на себя решение этого вопроса не хотел. 13 декабря белорусские коллеги пишут второе письмо, обращенное секретарю партийной организации и директору Института литературы АН СССР: «На наши письма к Вам от 2.XII с<его>/г<ода> мы до сих пор не получили ответа. Поэтому просим Вас вторично выслать, как можно в кратчайший срок, общие характеристики и парт<ийно>-полит<ические> характеристики на гг. Азадовского М. К. и Эвальда З. В. (так! — *Т. И.*)».¹⁹ Третье напоминание датируется 21 декабря.²⁰ Какой ответ был послан Институтом литературы в Минск, нам выяснить не удалось. Однако, как известно, выдвижение М. К. Азадовского и З. В. Эвальд в члены-корреспонденты Академии наук БССР осталось без последствий.

Хотя возможность повысить официальный статус М. К. Азадовского и З. В. Эвальд в фольклористическом сообществе Институтом литературы явно была упущена, в стенах Пушкинского Дома удалось решить другие кадровые вопросы. К 1941 г. (скорее всего, еще в конце 1939 г. — соответствующие документы нами пока не обнаружены) гальванопластическая мастерская, о создании которой пекся Е. В. Гиппиус, была укомплектована инженерными кадрами.

Сохранился список сотрудников Отдела фольклора народов СССР на 1 января 1941 г.:²¹ заведующий Отделом, доктор филологических наук М. К. Азадовский; старший научный сотрудник, доктор филологических наук Н. П. Андреев; старшие научные сотрудники, кандидаты этнографических наук (так! — *Т. И.*) Е. В. Гиппиус, А. М. Астахова, З. В. Эвальд, А. Н. Лозанова, С. Д. Магид; младшие научные сотрудники, без ученой степени П. Г. Ширяева и В. А. Кравчинская; старший научно-технический сотрудник Г. Г. Шаповалова (последнее имя вписано в машино-

¹⁸ Лебедев-Полянский Павел Иванович (1882—1948) — участник революционного движения, государственный и общественный деятель. В 1922—1931 гг. — начальник Главлита. С 1931 г. — профессор Первого Московского университета, специалист по истории русской литературы и критики. Член редколлегий «Большой Советской Энциклопедии», «Литературной энциклопедии», серии «Литературное наследство» и других изданий. Член-корреспондент АН СССР (1939), академик (1946). С 1937 по 1948 г. — директор Института литературы АН СССР.

¹⁹ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1940, № 32, л. 20.

²⁰ Там же, л. 19—21.

²¹ Там же, № 36, л. 7.

писный текст от руки, и, скорее всего, в штатах Отдела фольклора Г. Г. Шаповалова оказалась не к 1 января 1941 г., а несколько позже); заведующий гальванистической мастерской Н. И. Клочков, научно-технический сотрудник мастерской В. А. Сниткина. Всего 12 человек. В другом документе — алфавитном списке сотрудников Института литературы на 1 января 1941 г.²² — А. М. Астахова, А. Н. Лозанова и С. Д. Магид названы кандидатами филологических наук, а З. В. Эвальд кандидатом исторических наук, что отвечает истинному положению дела. М. К. Азадовский, что следует опять же из списков этого периода, являлся одновременно заведующим кафедрой фольклора и профессором филологического факультета Ленинградского государственного университета; Н. П. Андреев — профессором Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена; Е. В. Гиппиус — профессором Ленинградской государственной консерватории. П. Г. Ширяева, будучи сотрудником Института литературы, являлась также его аспиранткой. В таком составе коллектив Отдела фольклора народов СССР встретил Великую Отечественную войну.

Завершая разговор о кадрах Отдела фольклора на период 1939—1941 гг., следует сказать, что М. К. Азадовский уже в 1939 г. озаботился тем, чтобы Институт литературы предоставил Отделу возможность готовить собственных аспирантов. Сохранился отзыв М. К. Азадовского о работе студенток 5-го курса Ленинградского государственного университета Ирины Михайловны Колесницкой (1917—1994)²³ и Марии Аркадьевны Шнеерсон (1913—?),²⁴ написанный в связи с рекомендацией их в аспирантуру Пушкинского Дома.²⁵ Обе они войну встретили в качестве аспиранток Пушкинского Дома.

Какие же научные темы разрабатывались фольклористами Института литературы в 1939—1941 гг.?

²² Там же, л. 54—60.

²³ См. о И. М. Колесницкой подробнее в нашей статье: Ирина Михайловна Колесницкая : (Отдавая долги своим учителям) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С.132—138.

²⁴ Шнеерсон Мария Аркадьевна (1913—?) — филолог, окончила в 1939 г. ЛГУ. Перед Великой Отечественной войной опубликовала статьи «Фольклорный стиль в сказках Пушкина» (Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1939. № 46. Сер. филол. наук. Вып. 3. С. 176—200) и «„Руслан и Людмила“ Пушкина : Очерк из истории русского фольклоризма» (Там же. 1941. № 81. Сер. филол. наук. Вып. 12. С. 19—66). После войны работала в Ленинградском областном институте усовершенствования учителей. Впоследствии эмигрировала в США. Автор книг: Александр Солженицын : Очерк творчества. Frankfurt, 1984; «Вот твой вечный дом» : Личность и творчество Михаила Булгакова. Книга для юношества. СПб., 2000 (в соавт. с М. Г. Качуриным).

²⁵ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1940, № 32, л. 23—25.

По документам, отложившимся в Архиве Академии наук — «Объяснительная записка к смете на 1939 год по Фольклорной комиссии при Институте литературы АН СССР»,²⁶ «Основные темы плана Фольклорной комиссии»,²⁷ план работы Отдела на 1940 г.,²⁸ ежемесячные планы Института литературы на 1941 г.,²⁹ годовые индивидуальные планы сотрудников на 1941 г.,³⁰ — в полном объеме восстанавливается круг научных проектов, осуществлением которых занимались ленинградские фольклористы в этот период.

Следует подчеркнуть, что деятельность Отдела фольклора народов СССР, как и любой другой научной структуры, проходила в условиях идеологического прессинга. Наиболее ярким выражением сопряжения научной мысли с господствовавшей идеологией является состоявшаяся с 25 по 30 мая 1939 г. в Петрозаводске Всекарельская конференция сказителей, в которой ленинградские фольклористы приняли активное участие. Из программы совещания следует,³¹ что 27 мая Н. П. Андреев выступил с докладом «Творчество народов СССР». Самым значительным событием конференции стал обмен творческим опытом между сказителями. Этой частью совещания (собственно говоря, главной частью) руководили А. М. Астахова и А. Н. Лозанова, а также ученики М. К. Азадовского А. Д. Соймонов и М. М. Михайлов. В рамках конференции известные сказители М. М. Коргуев, П. И. Рябинин-Андреев и А. В. Ватчиева исполнили свои произведения о Чапаеве, Е. С. Журавлева — плач о Чкалове и т. д.³² Кульминацией сказительского форума стало коллективное письмо товарищу Сталину, сочиненное носителями фольклорной традиции:

Мы, сказители-былинники карельские,
Обещаем мы товарищу да Сталину
И даем ему слово верное:
Пятилетку выполним да по-ударному,
Мы сослужим службу государству нашему
Песней радостной да сказкой мудрою.
Отдадим мы жизнь за отца за Сталина,
За заботушку о нас да за великую.³³

²⁶ Там же, оп. 1-1939, № 11, л. 22—32.

²⁷ Там же, л. 37—38.

²⁸ Там же, л. 66.

²⁹ Там же, оп. 1-1941, № 1.

³⁰ Там же, № 46, л. 15—32.

³¹ Программа опубликована: *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века : 1900—первая половина 1941 г. СПб., 2009. С. 666—667.

³² Всекарельское совещание сказителей // Красная Карелия. Петрозаводск, 1939. 30 мая. № 121.

³³ Письмо карельских сказителей товарищу Сталину // Красная Карелия. Петрозаводск, 1939. 6 июня. № 127; см. также: Письмо карельских

Не приходится сомневаться, что вся идеологическая «начинка» этого опуса была преподнесена былинщикам их кураторами. Надо полагать, что в тексте «Письма карельских сказителей товарищу Сталину» немало строк, принадлежавших непосредственно А. М. Астаховой, А. Н. Лозановой или их младшим коллегам.

Однако мероприятия типа Всекарельской конференции сказителей были, пусть одиозно выразительным, но все-таки не определяющим эпизодом в научной деятельности Отдела фольклора. Сутью была работа над серьезными изданиями, одни из которых нашли воплощение в основном уже в послевоенный период, а другие так и остались неосуществленными.

Остановимся прежде всего на трех масштабных проектах, которые, к сожалению, в силу исторических событий не были реализованы: а) вузовский курс «Русский фольклор», б) Свод русского фольклора, в) нотная серия «Песни народов СССР».

Университетский курс «Русский фольклор» был задуман М. К. Азадовским еще в 1938 г.; работа же над ним развернулась в 1939 г. Это был коллективный труд, в котором участвовали как сотрудники Отдела фольклора, так и специалисты из других учреждений страны. Как можно понять из архивных документов, издание мыслилось как главный пункт в планах Отдела на 1939 г.

21 апреля 1939 г. состоялось обсуждение доклада М. О. Шахновича «Пословицы и поговорки», представляющего соответствующую главу «Русского фольклора».³⁴ С 31 мая по 4 июня 1939 г. (т. е. сразу же после Всекарельской конференции сказителей) ленинградские фольклористы провели конференцию, посвященную обсуждению первого тома этого большого коллективного труда. Согласно программе, на 31 мая—1 июня был назначен доклад А. И. Никифорова (Ленинград, Педагогический институт им. М. Н. Покровского) «Обрядово-календарный фольклор» и его обсуждение; на 2 июня — доклад Э. В. Гофман (Москва) «Свадебная поэзия»; на 3 июня — доклады В. П. Петрова (Киев) «Заговоры», Ю. М. Соколова (Москва) «Исторические песни», А. Н. Лозановой «Песни о Степане Разине»; на 4 мая — доклад И. А. Оссовецкого (Москва) «Духовные стихи».³⁵

«Русский фольклор», как известно, до издания доведен не был. Однако сохранившиеся материалы — тексты отдельных глав и стенограммы апрельского обсуждения доклада М. О. Шахновича

сказителей товарищу Сталину // Карелия : Альманах. Петрозаводск, 1939. Кн. 2. С. 6—10.

³⁴ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 29, л. 186—207 (стенограмма прений по докладу).

³⁵ Там же, № 11, л. 45.

и прений во время июньской конференции — раскрывают некоторые аспекты этого несостоявшегося труда.³⁶ Общая концепция задуманного труда и его отдельных частей по материалам стенограммы и других документов восстанавливается достаточно явственно.

По словам А. М. Астаховой, задача книги «„Русский фольклор“ и статей, которые туда войдут, — подведение итогов того, что сделано в пределах того или иного фольклорного вида и отметка дальнейшей перспективы изучения, дальнейшей проблематики».³⁷ Из косвенных замечаний выступавших на июньской конференции можно понять, что издание предполагало большой, в несколько авторских листов, очерк М. К. Азадовского по истории фольклористики. (К началу Великой Отечественной войны из этого очерка вырастет знаменитая «История русской фольклористики»). «Русский фольклор» в основной своей части, как уже следует из обозначенной выше программы конференции, предполагалось строить по жанрам и обрядовым комплексам. Книга, по мысли ее создателей, не должна был сводиться к статьям справочного характера. В. П. Петров, один из участников совещания, сравнивая задуманное обобщающее издание по русскому фольклору с аналогичным обобщающим курсом «История СССР»,³⁸ по поводу последнего издания говорил: «Редакция этого курса решила подвести всех авторов к некоему среднему уровню и дать статьи справочного характера типа брокгаузовских статей». В результате, по его мнению, в этой книге «имеются справочные статьи по истории СССР, но вовсе нет истории СССР».³⁹ Издание по русскому фольклору мыслилось как коллективная монография, в которой имелся бы общий стержень, но в то же время отдельные главы не должны были терять авторской индивидуальности. М. К. Азадовский, например, начиная дискуссию по докладу А. И. Никифорова о календарной обрядности, замечал: «...нужно четко иметь в виду, что мы обсуждаем не только научный характер, — нужно не забывать, что это глава к будущей коллективной работе <...> В основном нам нужно прийти на помощь автору, обратить внимание на форму увязки той или иной работы с общим коллективным трудом. Мы должны отстаивать общий коллективный принцип, все время считаясь

³⁶ Там же, № 29. Второй экземпляр стенограммы хранится в Рукописном отделе Института русской литературы: р. V, кол. 221, п. 13, № 1—4.

³⁷ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 29, л. 192.

³⁸ По-видимому, речь идет о следующем издании: История СССР / Ин-т истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 1: С древнейших времен до образования древнерусского государства. Ч. 1—2. 424 с.; Ч. 3—4. 532 с.

³⁹ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 29, л. 146.

с авторской индивидуальностью. В то же время автор, отстаивая свои интересы и порывы, должен помнить задачу коллектива». ⁴⁰

Сохранившиеся стенограммы прений по докладам на июньской конференции 1939 г., на наш взгляд, являются интересным документом своего времени. Они демонстрируют, как в советской науке, находившейся под гнетом преступного сталинского режима, переплетались различные тенденции: идеологическое начетничество, принятие штампов, насаждавшихся большевистской властью, и подлинная научная мысль, порой намного опережавшая свое время.

Как уже было сказано, в июне 1939 г. первым состоялся доклад А. И. Никифорова «Обрядово-календарная поэзия». Машинопись этого труда хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома: основной текст (в неполном виде) и фрагмент под названием «Древнерусское язычество и его значение для календарно-обрядового фольклора». ⁴¹ В основу своей концепции А. И. Никифоров положил зависимость календарных обрядов от солнечного цикла (зимнее солнцестояние, весеннее равноденствие, летнее солнцестояние и осеннее равноденствие). Четырем сезонам, по гипотезе докладчика, соответствовали четыре божества (такowymi были Коляда и Купала, сохранившие свои имена). Каждый сезон, по мнению исследователя, открывался встречей очередного календарного цикла, а завершался проводами (явные попытки определить единую структуру календарно-обрядовых комплексов). Данную цикличность исследователь назвал теорией ритма. Миграционную экзегезу, занимающую большое место в рассуждениях А. Н. Веселовского (Коляда заимствована славянами из Византии), исследователь полностью отвергал.

А. И. Никифоров в изучении обрядов, явно опираясь на свой опыт исследования сказок (и на опыт В. Я. Проппа), манифестировал тезис «от морфологии к генезису»: «...сначала уяснить себе систематизацию, а затем переходить к генезису». ⁴² «Систематология, — подчеркивал исследователь в заключительном слове, — является основной задачей моей работы. Я думаю, что сразу давать генетику нет возможности, не вставая заранее на какую-то, может быть, иногда ненадежную теорию». ⁴³ В соответствии со структурологическим методом (так будут называть по-

⁴⁰ Там же, л. 153.

⁴¹ РО ИРЛИ, р. V, кол. 120, п. 9, № 1, л. 1—39 (в первой пагинации); п. 15, № 5 («Древнерусское язычество и его значение для календарно-обрядового фольклора»; 25 л.). Развитием темы в трудах А. И. Никифорова стал подготовленный им сборник текстов «Обрядовый фольклор» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 120, п. 9, № 1, л. 1—417 — вторая пагинация).

⁴² СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 29, л. 180.

⁴³ Там же, л. 184.

добные подходы через несколько десятилетий) А. И. Никифоров для понимания календарной обрядности предлагал формулы математического характера, вызвавшие неодобрение слушателей. В ответ ученый замечал: «Что касается формулы. Я ее защищать не буду, совершенно спокойно с ней расстанусь, но на формуле я гораздо лучше в состоянии мыслить. Мне достаточно взглянуть на формулу, чтобы прекрасно запомнить весь процесс, а пока не покажешь на формуле — все расплывчато».⁴⁴ Следует помнить, что морфологическое изучение календарных обрядов (т. е. поиски их единой структуры) в этот период еще никем из ученых не было проделано. А. И. Никифоров был первопроходцем в этом направлении. К сожалению, это исследование не было закончено, во время войны его автор скончался в блокадном Ленинграде, и структурно-морфологические видение календарных обрядов в отечественной науке было предложено уже только в начале 1960-х гг. в книге В. Я. Проппа.⁴⁵

Доклад А. И. Никифорова вызвал оживленную дискуссию. При обсуждении этой работы со стороны молодого поколения фольклористов, воспитанного в духе официальной идеологии, предполагавшей, что в любом исследовании самым главным является манипулирование цитатами из трудов классиков марксизма-ленинизма, прозвучали в адрес автора упреки, весьма характерные для конца 1930-х гг. Некто Галилов высказался следующим образом: «Мне обидно, что у докладчика нет основ марксистского анализа, я хочу обвинить докладчика в эмпиризме, он ни разу не упоминает Энгельса, хотя труд Энгельса о религии и обрядах — известен. Он танцует от Аничкова и других, но не затрагивает вопросы с точки зрения Маркса, и это большой недостаток для научной работы на сегодняшний день. Этот доклад нужно было делать 20 лет тому назад, да и не 20, а все 50 лет. Почему я так говорю, потому что эти обряды это все надстройка <...> Это все нужно связать <с> материальными силами. Таким образом, я обвиняю докладчика в том, что он эмпирик, и этот труд будет недостаточным для аспирантов — людей сегодняшнего дня».⁴⁶ М. К. Азадовский вынужден был как-то нивелировать это замечание, близкое к политическим обвинениям: «Изложенное Александром Исааковичем (Никифоровым. — *Т. И.*) — это выдающаяся и замечательная работа, и тов. Галилов неправ, когда говорит, что эта работа могла быть написана 50 лет назад. Эта работа не может быть названа эмпирической работой».⁴⁷

⁴⁴ Там же, л. 171.

⁴⁵ *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники : (Опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963.

⁴⁶ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 29, л. 144.

⁴⁷ Там же, л. 164.

К счастью, основное содержание дискуссии оставалось в поле подлинной науки. Прохоров (еще одно имя, которое мы не можем прокомментировать), например, высоко оценил попытку А. И. Никифорова найти в календаре «постоянные части и переменные части»⁴⁸ (т. е. выделить структурное единство обрядов), однако указал на ряд уязвимых положений в концепции автора. Так, деление народного календаря на четыре цикла Прохорову представлялось не до конца обоснованным. Он напомнил о существующем мнении, что год славянина делился на два (или три) цикла.⁴⁹ А. М. Астахова говорила о методологической уязвимости выстраивания общей модели русского народного календаря без учета региональных (локальных) особенностей: о развитой календарной обрядности можно говорить в аграрных районах России, но не на Русском Севере.⁵⁰ Э. В. Гофман подчеркнула, что в работе А. И. Никифорова мало внимания уделено поэтике календарных песен, при этом исследовательница, абсолютно в духе времени, подчеркивала литературоведческий характер фольклористики как научной дисциплины: «...фольклор это литературоведческая наука и поэтому вопрос анализа поэтики, анализа поэтических форм не должен играть роли второстепенной, а должен стоять в центре внимания всей статьи».⁵¹

Серьезные критические замечания по отношению к концепции А. И. Никифорова высказал Ю. М. Соколов. Маститого главу московской фольклористики не устраивало слабое прочтение этнографической составляющей в исследовании. «Правоммерно ли то, что вы сегодня очень резко отграничивали себя, фольклориста, от проблемы этнологии и этнографии», — задавал он вопрос А. И. Никифорову.⁵² Обрядовая жизнь, по мнению Ю. М. Соколова, у докладчика предстала «вне фона развития человечества в целом»,⁵³ вне социальных и хозяйственных основ жизни русского крестьянина.

В. П. Петров также подчеркнул, что календарные обряды имеют аграрный характер, это недостаточно явственно показано в исследовании А. И. Никифорова, увлекшегося исследованием морфологической стороны календарных ритуалов. Он акцентировал внимание на том, что толкование календарной обрядности должно быть связано с понятием «род», в который входили

⁴⁸ Там же, л. 156.

⁴⁹ См. современные исследования: *Агапкина Т. А.* Этнографические связи календарных песен : Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. М., 2000.

⁵⁰ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 29, л. 161—162.

⁵¹ Там же, л. 160.

⁵² Там же, л. 136.

⁵³ Там же, л. 138.

живые и умершие («родители»). Хозяйственно-аграрные обряды совершались как для живых, так и для «родителей». Знаменитая жатвенная «борода» В. П. Петровым истолковывалась следующим образом: «Так как хозяйства общие, то „родители“ принимают участие в жатве, как и живые члены родовой группы; для работы „родителям“ оставляется кусок жатвы, предполагается, что они часть поля дожнут. Потом будет называться „козлиной бородой“».⁵⁴

Устные прения по докладу А. И. Никифорова, как видим, свидетельствуют о живом биении научной мысли в фольклористическом сообществе.

Не менее содержательной была дискуссия по поводу доклада Э. В. Гофман «Свадебная поэзия», прочитанного 2 июня.⁵⁵ Исследовательница, акцентировавшая литературоведческий характер фольклористики, сосредоточилась почти исключительно на жанрах русской свадьбы, оставив в стороне ее обрядовую суть. В связи с этим А. И. Никифоров замечал: «Фольклору посвящена большая часть данной работы, а обряд остается, с моей точки зрения, сильно в тени и остается он в тени незаслуженно».⁵⁶ История форм брака (групповой брак, экзогамия, эндогамия, парный брак), подчеркивал А. И. Никифоров, в виде пережитков отразилась в русском фольклоре, а в докладе это не было раскрыто. О том, что в работе «момент поэтический» преобладает над этнографическим, говорили Ю. М. Соколов, Г. С. Виноградов, М. К. Азадовский и другие участники конференции. Интересно замечание А. И. Никифорова, еще раз свидетельствующее о его структурном подходе к явлениям фольклора. Исследователь указал на то, что в русской традиции имеются разные редакции свадьбы, выявляемые не только на уровне различных территорий, и даже не стадиально, «а чисто морфологически».⁵⁷

Стенограмма июньской конференции 1939 г. содержит обсуждение доклада «Духовные стихи» И. А. Оссовецкого,⁵⁸ бывшего

⁵⁴ Там же, л. 150.

⁵⁵ В Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранилась статья Э. В. Гофман «Свадебная поэзия», по-видимому дополненная и переработанная по материалам состоявшейся дискуссии (РО ИРЛИ, р. V, кол. 17, п. 3, № 1 (машинопись, 134 л.)). Из поздней авторской пометы, сделанной в 1969 г. во время пребывания Э. В. Гофман в фольклорном архиве ИРЛИ, следует, что материал статьи впоследствии был использован ею для написания соответствующей главы в вузовском учебнике «Русское народное поэтическое творчество» (Русское народное поэтическое творчество : Пособие для вузов / Общ. ред. П. Г. Богатырева. М., 1954).

⁵⁶ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 29, л. 87.

⁵⁷ Там же, л. 89.

⁵⁸ Сохранился текст статьи (РО ИРЛИ, р. V, кол. 17, п. 17, № 4; машинопись с правкой; 59 л.).

на тот момент московским аспирантом. Отметим, кстати, что само включение этого пласта народной поэзии в вузовский курс «Русский фольклор» свидетельствует об упорном желании ученых, несмотря на идеологический диктат, сохранять в своих исследованиях все поле фольклорной культуры. Это не всегда удавалось: до издания многие задуманные труды не доходили или доходили в искаженном виде. Однако понимание необходимости изучения духовных стихов и народных легенд, отражающих христианские стороны крестьянского мировоззрения, исследования заговоров и мифологических рассказов, являющих суеверное сознание народа, в фольклористике никогда не исчезало. Глава о духовных стихах в «Русском фольклоре», как видим, была запланирована.

Однако молодой автор, естественно, не мог не оказаться в тисках идеологических штампов. В докладе преобладали характеристики духовных стихов как «реакционного» пласта фольклорной традиции. В связи с этим П. И. Калецкий заметил, что «докладчик похоронил духовные стихи как нечто мертвое, реакционное, что в народе никакой роли не играло, имело узкую базу». ⁵⁹ «Мне кажется, — продолжал П. И. Калецкий, — что вопрос о духовном стихе надо ставить в плане определенного этапа в истории народного мировоззрения». ⁶⁰ Н. П. Андреев также настаивал на том, что религиозное содержание духовных стихов отнюдь не означает, что они не народны, а экспедиционный опыт показывает (здесь ученый ссылаясь на запись духовных стихов в 1920-е гг. экспедициями ГИИИ), что стихи остаются востребованными в деревенской среде.

Интересной была и дискуссия по поводу доклада «Заговоры» В. П. Петрова. ⁶¹ Среди замечаний прозвучала неудовлетворен-

⁵⁹ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 29, л. 20.

⁶⁰ Там же, л. 20.

⁶¹ В связи с открывшимися неизвестными фактами биографии В. П. Петрова позволим себе сделать небольшую справку об этом исследователе. Петров Виктор Платонович (1894—1969) — этнограф, фольклорист, философ, историк, литературовед, прозаик, писавший под псевдонимами В. Домонтович и Виктор Бэр, а также советский разведчик. В. П. Петров в 1918 г. окончил историко-филологический факультет Киевского университета. В 1925—1929 гг. вместе с А. М. Лободой редактировал «Етнографічний вісник», внесший весомый вклад в славянскую фольклористику, работал в Этнографической комиссии Украинской Академии наук (1927—1933). В 1930 г. за исследование о Пантелеймоне Кулише ученый получил степень доктора. Последняя должность В. П. Петрова перед войной — директор Института украинского фольклора (Киев). В начале войны по заданию советского командования фольклорист остался в Харькове на оккупированной гитлеровцами территории. Занимаясь разведывательной деятельностью, в 1942—1943 гг. он выпускал литературный журнал «Український

ность тем, что докладчик остановился только на лечебных заговорах. Насколько можно понять, этот просчет был исправлен в доработанном варианте, сохранившемся в Рукописном отделе Института русской литературы и опубликованном А. Н. Мартыновой в 1981 г.⁶²

Дискуссия по поводу глав, предназначенных для «Русского фольклора», наглядно демонстрирует, что в отечественной фольклористике даже в самые тяжелые годы идеологического диктата научная мысль продолжала напряженно развиваться. Исследователи, несмотря на неоднократное осуждение со стороны власть имущих формалистических и структурологических методов в изучении традиционной культуры, как мы показали на материале дискуссий по поводу доклада А. И. Никифорова, не могли отказаться от идей, которые были им дороги. Всякий раз при возникновении серьезного научного проекта, каковым был «Русский фольклор», фольклористы, особенно те из них, чья научная мысль была воспитана в рамках методологической свободы дореволюционного периода и первых лет советской власти, отбрасывали в сторону идеологические «ходули» и руководствовались исключительно собственными представлениями о научной истине.

Работа над «Русским фольклором», как и над любым коллективным изданием, шла весьма непросто. Кто-то из предполагаемых авторов по тем или иным причинам отказывался от порученных им глав, и М. К. Азадовскому приходилось искать новых исполнителей. Так вскоре после июньской конференции 1939 г. случилось с Ю. М. Соколовым: глава по историческим песням,

засів» (здесь опубликован его роман «Без ґрунту» («Без почвы»)). В 1943 г. возглавил кафедру этнографии Украинского научного института во Львове. После окончания войны, вероятно, опять же по заданию разведывательных органов СССР, остался на Западе. До 1949 г. В. П. Петров проживал в Мюнхене, редактировал журнал «Арка», преподавал этнографию в Украинском свободном университете в Мюнхене, публиковал под псевдонимом Виктор Бэр философские произведения. В украинских эмигрантских кругах он занимал видное место. В 1949 г. В. П. Петров вернулся в СССР (по некоторым сведениям, он был выкраден советской разведкой, заподозрившей его в предательстве). Однако катастрофических последствий возвращение в Советский Союз для В. П. Петрова не имело: ему удалось избежать ГУЛАГа. Впоследствии он работал в Москве в Институте археологии АН СССР, а с 1956 г. — в киевском Институте археологии. За работу в области разведки В. П. Петров имел правительственные награды. См.: *Портнов А.* Загадки Виктора Петрова-Домонтовича [Интернет-ресурс]: <http://www.exp21.com.ua/rus/visitors/67-17.htm>. — 15.05.2010.

⁶² *Петров В. П.* Заговоры / Публ. А. Н. Мартыновой // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 77—142. Рукопись хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (р. V, кол. 17, п. 9, № 1, л. 2—53 — машинопись; л. 54—151 — подготовительные материалы).

которую первоначально он предполагал написать, была поручена П. И. Калецкому, о чем свидетельствует письмо Института литературы в Издательство Академии наук с просьбой заключить с автором договор.⁶³

Многие авторы (и в первую очередь сам М. К. Азадовский) в ходе работы превышали отведенный объем. 11 декабря 1940 г. Н. П. Андреев, например, передавая М. К. Азадовскому главу «Сказки», писал: «Представляя при сем три раздела главы „Сказки“ (I. Материал. II. Определение жанра. III. Международный характер сказок и вопрос о заимствовании), считаю необходимым сообщить, что в отведенный мне по плану объем (4 1/2 печ. л.) едва уложилось более или менее удовлетворительное по полноте изложение этих разделов <...> Вследствие этого я прошу увеличить объем порученной мне главы (по возможности, до 8 листов)».⁶⁴

Работа над «Русским фольклором» продолжалась до начала Великой Отечественной войны. Судя по плану Института литературы, на 1941 г. намечалось завершение подготовки к печати этого вузовского курса. На 19 февраля на Ученом Совете должно было пройти обсуждение первого тома «Русского фольклора».⁶⁵ К концу года в производство предполагалось сдать второй и третий тома,⁶⁶ в связи с чем на первую половину года было запланировано несколько заседаний Отдела фольклора с обсуждением статей, предназначенных для этого издания: «Русская сказка» Н. П. Андреева (10 января), «Русская лирическая песня» З. В. Эвальд (24 января).⁶⁷ Доклад З. В. Эвальд о песнях (и в данном случае уже обозначенный как совместный с Е. В. Гиппиусом) в связи с болезнью автора был впоследствии перенесен на 28 марта.⁶⁸

Выходу в свет «Русского фольклора» в том виде, как его задумал М. К. Азадовский, помешала начавшаяся Великая Отечественная война. По ее окончании работа над изданием была продолжена. Сохранился недатированный документ, относящийся к 1947—1948 гг., раскрывающий концепцию и содержание трех томов «Русского фольклора»:

«I. Русский фольклор

Курс должен противопоставить старому, дореволюционному и современному буржуазному пониманию фольклора новые принципиаль-

⁶³ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 11, л. 57.

⁶⁴ РО ИРЛИ, р. V, кол. 17, п. 15, № 2.

⁶⁵ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1941, № 1, л. 29.

⁶⁶ Там же, л. 35.

⁶⁷ Там же, л. 42.

⁶⁸ Там же, л. 27.

ные установки, опирающиеся на основные положения марксизма-ленинизма.

Конкретной основой курса, стержнем его являются указания тт. Сталина, Жданова, Кирова о конспектах учебников по истории, определяющие понимание исторического процесса; в свете этих указаний используются результаты дискуссии, развернувшейся по вопросу о концепции происхождения героического эпоса.

Основной принцип курса — характеристика фольклора, как подлинно-народного творчества, глубоко-реалистического по своему внутреннему характеру. Фольклор рассматривается в его этнографическом, литературно-художественном и историческом значении.

Курс посвящен русскому фольклору. Материал фольклора других народов привлекается в порядке аналогий, полнее освещающих отдельные этапы в развитии фольклора, и для характеристики взаимодействий в фольклоре различных народов, как результата взаимоотношений самих народов. Особенно широко материалы фольклора братских народов привлекаются в характеристике советского фольклора.

Объем курса 100 п. л.

Построение

Т о м I

Историография изучения русского фольклора — проф. М. К. Азадовский

Т о м II

Теоретическое введение — проф. Н. А. Андреев
Сказки — Н. П. Андреев и В. Я. Пропп
Исторические песни — П. И. Калецкий
Песни о Разине — А. Н. Лозанова
Обрядовая поэзия — А. И. Никифоров
Свадебная поэзия — Э. В. Гофман
Лирическая песня — Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд
Заговоры — В. П. Петров
Причитания — Г. С. Виноградов
Детский фольклор — Г. С. Виноградов
Загадки — Г. С. Виноградов
Частушки — П. И. Калецкий
Народная драма — М. А. Рыбникова, В. А. Крупянская
Пословицы — М. О. Шахнович
Духовные стихи — И. А. Оссовецкий
Рабочий фольклор — А. Л. Дымшиц
Переделки народных песен — И. Н. Розанов

Т о м III

Основные линии советской фольклористики — Ю. М. Соколов
Ленин и Сталин в фольклоре — Ю. М. Соколов

Советские песни — Л. Н. Лебединский
Народные поэмы — <А. М.> Новикова
Плачи — В. И. Чичеров
Сказы — <С. С.> Жислина, <Н. Д.> Комовская
Сказки — С. И. Минц
Частушки — В. М. Сидельников
Пословицы — М. О. Шахнович
Сказители — А. М. Астахова
Литература и фольклор — <И. С.> Эвентов
Библиография фольклора советской эпохи — А. Н. Лозанова». ⁶⁹

Данный архивный документ отражает один из этапов работы над «Русским фольклором» и выявляет некоторые интересные детали, связанные с этим изданием. Глава по истории русской фольклористики, переросшая в монографию, заставила М. К. Азатовского предложить весь первый том посвятить истории науки. Два оставшихся тома должны были отражать соответственно фольклорную традицию дореволюционного и советского периодов. Второй том (дореволюционный фольклор), по-видимому, в основе своей был готов к началу войны, унесшей жизни многих авторов (Н. П. Андреев, А. И. Никифоров, З. В. Эвальд, М. А. Рыбникова и умерший 17 июля 1945 г. Г. С. Виноградов). Появление третьего тома, полностью посвященного советскому фольклору, без сомнения, было вызвано новым витком в усилении идеологического диктата, развязанным сталинским режимом по окончании Великой Отечественной войны. Согласно довоенным планам, эта часть фольклорной (псевдофольклорной) культуры должна была в издании занимать гораздо более скромное место.

В РО ИРЛИ помимо названных выше глав «Русского фольклора» сохранились также следующие: Н. П. Андреев и В. Я. Пропп «Сказки» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 17, п. 15, № 1), Г. С. Виноградов «Причитания» (п. 10, № 7), Г. С. Виноградов «Загадки» (п. 10, № 8), Г. С. Виноградов «Детский фольклор» (п. 17, № 5), Н. Д. Комовская «Устный народный рассказ» (п. 17, № 9), А. М. Новикова «Поэмы» (п. 17, № 1), М. А. Рыбникова «Драма о царе Максимилиане» (п. 17, № 10), В. И. Чичеров «Плачи» (п. 17, № 7), М. О. Шахнович «Советские пословицы и поговорки» (п. 17, № 6), Н. М. Элиаш «Колыбельные песни восточных славян» (п. 15, № 5, 7), неустановленный автор «Советская песня» (п. 17, № 11). Как видим, во второй половине 1940-х гг. «Русский фольклор» был в значительной степени готов к печати.

Однако издание так и не было осуществлено: помешала развернувшаяся позорная кампания «борьбы с космополитизмом»,

⁶⁹ РО ИРЛИ, р. V, кол. 17, п. 10, № 10.

в результате которой в мае 1949 г. М. К. Азадовский был уволен из Пушкинского Дома. Вместо «Русского фольклора» в начале 1950-х гг. вышло «Русское народное поэтическое творчество»,⁷⁰ построенное совсем на других принципах: здесь была предпринята попытка рассмотреть русскую народную поэзию в хронологическом аспекте, выделив фольклор времени расцвета древнерусского раннефеодального государства, фольклор периода феодальной раздробленности, времени создания централизованного Московского государства и т. д. Это издание явно не стало событием в истории отечественной науки о «живой старине». Так завершился проект вузовского курса по русскому фольклору.

Как уже было сказано выше, вторым масштабным проектом Отдела фольклора в предвоенные годы стал Свод русского фольклора, появляющийся в планах Института литературы в 1940 г.⁷¹ Напомним, что в качестве инициатора этого издания в предвоенные годы публично выступал писатель А. Н. Толстой. Весной 1938 г. он познакомился с поморским сказочником М. М. Коргуевым, обладавшим громадным репертуаром, что подсказало ему идею масштабного издания русского фольклора. 26 мая 1938 г. писатель обратился к советскому правительству с предложением создать библиотеку памятников русской народной словесности: «У нас имеются колоссальные матерьялы изданных и неизданных записей былин, сказок, сказаний, песен. Русский фольклор неизмеримо богаче и художественнее фольклоров европейских народов.

Но все это разбросано по разным изданиям и сборникам, не приведено в систему, не отобраны лучшие варианты, не произведена научно-художественная работа составления, так сказать, канонического свода. Неизданные записи и произведения, творимые сейчас советскими сказочниками и сказителями, представляют также огромный фонд.

Наш фольклор лежит под спудом и недоступен нашему народу, недоступны ему сокровища языка, запечатленные в рукописях и антикварных изданиях.

Пора, наконец, изданием полного свода фольклора увековечить гений русского народа. Такое издание, помимо того, должно произвести большое впечатление во всем мире».⁷²

На протяжении 1938 г. М. К. Азадовский и другие фольклористы неоднократно обсуждали проект Свода вместе с А. Н. Толстым. В хронике работы Фольклорной комиссии за 1937—1938 гг.

⁷⁰ Русское народное поэтическое творчество / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.: Л., 1953—1956. Т. 1; Т. 2, кн. 1—2.

⁷¹ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 11, л. 66.

⁷² Цит. по статье: *Крестинский Ю.* Незавершенные замыслы А. Н. Толстого-академика // Вопросы литературы. 1974. № 1. С. 314.

А. М. Астахова писала: «В конце 1938 г. инициативная группа под председательством депутата Верховного Совета писателя А. Н. Толстого, — в составе руководящих работников Фольклорной комиссии Института этнографии (М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, Е. В. Гиппиус), члена Ленинградского отделения Союза советских писателей А. Н. Нечаева, московских фольклористов Ю. М. Соколова, Э. В. Гофман, С. И. Минц, М. А. Рыбниковой и В. И. Чичерова, члена Московского отделения Союза писателей К. И. Чуковского, — выдвинула проект издания тридцатитомного корпуса русского фольклора и проект организации летом 1939 г. Всесоюзной Фольклорной выставки. По этому поводу в первых числах декабря 1938 г. в Москве состоялось специальное совещание, выработавшее установки и планы издания и выставки».⁷³

В январе 1939 г. А. Н. Толстой был избран действительным членом АН СССР, что позволило придать проекту Свода новое качество. В первом же своем выступлении на общем собрании Академии наук 27 февраля писатель озвучил программу издания, посвященного устной поэзии всех народов Советского Союза: «...сейчас можно и нужно говорить об издании общего свода фольклора всех народов СССР».⁷⁴

В мае 1940 г. в Отделении литературы и языка АН СССР состоялось совещание, где был представлен проспект Свода русского фольклора. Отметив грандиозность и сложность создания Свода фольклора народов СССР, А. Н. Толстой подчеркнул: «Начать <...> следует с подготовки к изданию свода русского фольклора. Эта инициатива Академии наук СССР будет, несомненно, подхвачена Украинской и Белорусской академиями наук и филиалами Академии в других советских республиках. Таким образом, на основе опыта подготовки русского свода мы сумеем создать общий свод фольклора всех народов СССР».⁷⁵

В декабре 1940 г. Президиум АН СССР утвердил главную редколлегия Свода русского фольклора. К этому времени создание Свода рассматривалось уже не только как научная и художественная задача, но и как политическая: «Значение работы над сводом фольклора народов СССР определяется тем огромным ме-

⁷³ Астахова А. М. Фольклорная комиссия при Институте этнографии Академии наук СССР в 1937—1938 гг. // Советский фольклор : Сборник статей и материалов. М.; Л., 1941. Вып. 7. С. 270.

⁷⁴ В Академии наук СССР // Литературная газета. 1939. 1 марта. № 14. С. 6.

⁷⁵ Полный свод фольклора народов СССР // Литературная газета. 1940. 26 мая. № 29. С. 6. См. также: А. Н. Толстой и Свод русского фольклора / Публ. А. А. Горелова // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 3—6.

стом, которое занимает фольклор в жизни нашей страны, и тем вниманием, которое уделяется народному творчеству Партией и Правительством».⁷⁶

В качестве первоочередной задачи была сформулирована идея «малого» Свода русского фольклора, который должен был состоять из 38 томов, среди них были названы былины (5 томов), исторические песни (1 том), причитания (2 тома), духовные стихи (полтома), песни (10 томов), заговоры, загадки, пословицы, детский фольклор (3.5 тома), народный театр (1 том), фольклор рабочего и революционного движения (1 том), советские поэмы и сказки (2 тома). 39-й, дополнительный, том планировалось посвятить фольклорным текстам в произведениях русских писателей. Как видим, основной принцип построения Свода русского фольклора был жанровый. Внутри жанров материал предполагалось располагать по сюжетам. Однако Свод, по мысли редколлегии, должен был отражать областные поэтические стили, а также индивидуальность сказителей.

Как можно понять, наиболее разработанным на 1940 г. был проект издания сказок. Планировалось несколько томов посвятить волшебным (150 сюжетов), анекдотическим, новеллистическим, сказкам о животных, бывальщинам. Один из томов должен был представлять советские сказки; два тома — творчество отдельных мастеров этого жанра.⁷⁷

На 1940 г., согласно архивным документам, Н. П. Андреев для проекта «Академический корпус русских сказок» (серия сказок в «малом» Своде русского фольклора) предполагал составить указатель материалов, не входящих в основные сборники сказок.⁷⁸ М. К. Азадовский и А. М. Астахова планировали подготовку текстов былин, записанных в начале XX в., находящихся в архивах и в отдельных разрозненных изданиях.

По общим планам Института литературы за 1941 г.⁷⁹ работа над Сводом была обозначена следующим образом: «Свод фольклора народов СССР в 40 томах (на 1941 год — к печати один том и проводится организационная работа по подготовке всего издания)».⁸⁰ По-видимому, к печати должен был подготовлен том, посвященный былинам, редактором которого была назначена А. М. Астахова. На 28—30 июня планировалось совещание по вопросам, связанным с изданием Свода фольклора народов СССР.⁸¹

⁷⁶ Свод фольклора народов СССР // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1941. № 2. С. 129.

⁷⁷ Там же. С. 129—131.

⁷⁸ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 11, л. 66.

⁷⁹ Там же, оп. 1-1941, № 1, л. 33—37.

⁸⁰ Там же, л. 34.

⁸¹ Там же, л. 16.

Совещание, по понятным причинам, не состоялось. Однако 24 июня, т. е. на третий день войны, в соответствии с ранее намеченными планами прошло расширенное заседание Бюро Отделения литературы и языка совместно с Ученым Советом Института литературы.⁸² В повестке дня был отчет по проверке полугодового плана работы Института литературы в 1941 г. По поводу Свода русского фольклора постановили: «Считать, что работа проходит нормально».

Судьба Свода русского фольклора оказалась не менее драматичной, чем вузовского курса «Русский фольклор». До войны реализацию этого проекта по-настоящему развернуть не успели. По окончании войны не стало главы проекта писателя-академика А. Н. Толстого, а вскоре началась антикомпаративистская кампания, сыгравшая роковую роль в судьбе М. К. Азадовского. В 1956 г. идея Свода опять стала в центре внимания фольклористов Пушкинского Дома.⁸³ Однако практическое воплощение Свода началось лишь в 2001 г. — с первого тома «Былины Печоры», открывающего серию «Былины».

Третьим масштабным проектом Отдела фольклора в 1939—1941 гг. стала серия «Песни народов СССР» (руководитель Е. В. Гиппиус). Серия предполагала представить в 40 выпусках нотные расшифровки песен 60 этносов, населяющих Россию. В работе, помимо музыковедов Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд, участвовали специалисты по культуре народов СССР (как тогда говорили, национальные кадры). Они в основном занимались словесной расшифровкой песен с фоноваликов и переводом текстов на русский язык. Интенсивная работа над серией началась в 1937 г. В следующем году, т. е. еще в Институте этнографии, были подготовлены к печати 6 выпусков («Карелы и вепсы», «Удмурты», «Чуваши», «Мари», «Белорусы», «Коми»). В Архиве Академии наук сохранились сопроводительные письма Института литературы в Государственное музыкальное издательство (Москва) при передаче рукописей трех выпусков («Чуваши», «Коми», «Белорусы»)⁸⁴ В 1939 г. Фонограммархив намеревался закончить работу над выпусками «Цыганы», «Мордва», «Татары». Существовали также планы экспедиционных поездок для собирания материала по песенному фольклору крымских татар, калмыков, мордвы, адыгейцев и цыган.

Из грандиозного проекта «Песни народов СССР» издан был лишь один сборник — «Белорусские народные песни»

⁸² Там же, л. 1—10.

⁸³ Свод русского фольклора : Проспект / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Сост. А. М. Астахова, Н. П. Колпакова, А. Н. Лозанова, Н. В. Новиков, Б. Н. Путилов, К. В. Чистов, П. Г. Ширяева; Отв. ред. М. О. Скрипиль. Л., 1956.

⁸⁴ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 11, л. 51—54.

З. В. Эвальд, основанный на фонозаписях, сделанных в 1931 (С. Д. Магид), 1932 (З. В. Эвальд), 1934 (З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиус) и 1938 гг. (Ф. А. Рубцов) в разных районах Белоруссии.⁸⁵ Здесь представлены тексты песен на белорусском языке (под редакцией М. Я. Гринблата), перевод текстов на русский язык (М. А. Фроман), нотные расшифровки и статьи-комментарии З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиуса («Замечания о белорусской народной песне»), К. В. Квитки («Об областях распространения некоторых типов белорусских календарных и свадебных песен») и В. М. Беляева («Справка о белорусских народных музыкальных инструментах»). Предисловие, написанное Е. В. Гиппиусом, раскрывало цели и задачи всей серии «Песни народов СССР». Здесь исследователь специально останавливался на проблеме нотных расшифровок. Хороший расшифровщик, подчеркивал он, в обязательном порядке должен быть и исследователем музыкального стиля: «...основная задача нотной записи с фонографа (музыкальной расшифровки) — в раскрытии закономерностей национальной музыкальной формы и национального музыкального стиля. Процесс расшифровки — это поиски таких закономерностей в живом наблюдении и тщательном анализе произведений народной музыки».⁸⁶

Выходу в свет остальных томов помешала война,⁸⁷ по окончании которой проект возобновлен не был: З. В. Эвальд скончалась во время ленинградской блокады, а Е. В. Гиппиус переехал из Ленинграда в Москву и стал работать в Московской государственной консерватории. В настоящее время в рукописном фонде Фонограммархива Пушкинского Дома хранятся около 60 папок с материалами к этой серии: нотные расшифровки с фоноваликов и слуховые нотировки, тексты на языке оригинала и переводы на русский язык песен разных народов (белорусы, карелы, коми, мордва, чувашаи, удмурты, башкиры, татары, калмыки, ненцы, саамы, эвенки и др.). Это записи 1920—1930-х гг., сделанные разными собирателями в полевых и в стационарных условиях в Ленинграде.

Помимо названных трех масштабных проектов Отдел фольклора народов СССР в 1939—1941 гг. занимался и другими темами и изданиями. Важным пунктом предвоенных планов была работа над очередными (седьмой и восьмой) томами временни-

⁸⁵ Белорусские народные песни / Сост. З. В. Эвальд. М.; Л., 1941 (Песни народов СССР / Под ред. Е. В. Гиппиуса).

⁸⁶ Гиппиус Е. В. Предисловие // Белорусские народные песни. С. 8—9.

⁸⁷ К проекту «Песни народов СССР» имеет отношение также статья Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд «Карельская народная песня» (Советская музыка. 1940. № 9. С. 82—90) — фрагмент комментариев, предназначенных для сборника «Карельские народные песни».

ка «Советский фольклор», бывшего в рассматриваемый период главным фольклористическим изданием в СССР. Временник, ответственным редактором которого являлся М. К. Азадовский, объединял как русских фольклористов, так и исследователей из национальных республик, во многих из которых наука о «живой старине» еще только зарождалась. Седьмой том «Советского фольклора», напомним, вышел в 1941 г.⁸⁸

К началу войны был готов и полностью отредактирован и восьмой выпуск «Советского фольклора». В Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранилась машинопись титульного листа данного выпуска, завизированная М. К. Азадовским и Д. С. Лихачевым. Руководитель Отдела фольклора свидетельствовал: «Отредактировано. Ответственный редактор проф. М. К. Азадовский. 7/1.1941 г. Ленинград». Виза Д. С. Лихачева, являвшегося в то время редактором Издательства Академии наук, поставлена 22 июня 1941 г.: «Отредактировано. Ведущий редактор издательства. 22/VI. 41. Д. Лихачев».⁸⁹

Сохранился черновой вариант оглавления этого выпуска.⁹⁰ Сборник открывался некрологом Ю. М. Соколова, скончавшегося 15 января 1941 г. (написанным М. К. Азадовским), и статьей А. Л. Дымшица «Академик Ю. М. Соколов как исследователь советского фольклора». Эти материалы, по-видимому, были вставлены в «Советский фольклор» уже после передачи рукописи в издательство. Далее должны были следовать статьи М. К. Азадовского «О построении истории русской фольклористики» и В. П. Петрова «Язык и фольклор». Раздел «Фольклор народов СССР» составили три работы: Ю. М. Соколов «Джангар и эпос народов СССР», И. И. Кравченко «Советский фольклор Дона и Донбасса», С. И. Минц «Современная советская сказка». В разделе «Фольклор и литература» значатся статьи П. Н. Беркова «Ломоносов и фольклор» и Р. Орбели «Сюжетные параллели в двух турецких сказках — „Ашуг Гариб“ и „Кярам и Асли“ по армянским их вариантам». Далее следовал раздел «Материалы по истории фольклора и фольклористики»: И. Д. Фридрих «Частушки русских крестьян в Латвии (1924—1940)», П. Г. Ширяева «Украинский рабочий фольклор», А. Дымшиц «Фольклор соромовских рабочих», В. Крупянская «Народная драма „Лодка“». В «Заметках и сообщениях» значатся статьи В. И. Чернышева «Песни села Большого Болдина», И. Я. Айзенштока «У истоков западноукраинской фольклористики», А. А. Ромаскевич «Древний и современный эпос иранских племен», Б. Варнеке

⁸⁸ Советский фольклор: Сборник статей и материалов / Отв. ред. М. К. Азадовский. М.; Л., 1941. Вып. 7.

⁸⁹ РО ИРЛИ, р. V, кол. 17, п. 23, № 1, л. 1.

⁹⁰ Там же, № 2.

«Зародыши драмы в песнях», В. А. Кравчинской «Новый вариант песни о восстании декабристов», Т. Петуховой «Рассказы о Пушкине». Последним разделом «Советского фольклора» был раздел «Обзоры и рецензии».

Восьмой выпуск «Советского фольклора» в 1941 г., естественно, издан не был. После войны вследствие изменившейся исторической ситуации сборник потребовал коренной переработки. Часть статей устарела и перестала быть актуальными (из раздела хроники). Работа И. Д. Фридриха «Частушки русских крестьян в Латвии (1924—1940)» не могла быть включена в сборник, так как автор к этому времени находился в сталинских лагерях.⁹¹ Исключены были практически и все остальные статьи. В сохранившемся оглавлении сборника, завизированном М. К. Азадовским 10 февраля 1948 г., находим раздел «Фольклор Великой Отечественной войны» (статьи А. М. Астаховой «Фольклор Великой Отечественной войны в свете общей проблемы советского фольклора», Н. В. Новикова «Из фронтовых записей фольклориста», В. Г. Базанова «Народные причитания времени Великой Отечественной войны», Л. С. Шептаева «Хакасская бытовая лирическая песня в годы Великой Отечественной войны», Е. Вирсаладзе «Патриотические идеи в грузинском народном творчестве»). Раздел «Personalia» содержит некрологи скончавшихся Н. П. Андреева (автор М. К. Азадовский), А. И. Никифорова (В. Я. Пропп), З. В. Эвальд (С. Д. Магид), М. А. Рыбниковой (И. Н. Розанов). Специальные заметки освещали конференции 1943 г., прошедшие в Иркутске и Москве, а также конференцию по фольклору и этнографии Средней Азии. Обзоры собирательской работы, равно как и деятельность отдельных научных структур, представленные в нескольких статьях, также охватывают период войны и середины 1940-х гг. Центральными статьями в этом варианте восьмого выпуска были статьи В. М. Жирмунского «Итоги и задачи изучения эпического творчества народов Средней Азии», П. Н. Беркова «Проблемы научного изучения „Манаса“», К. А. Копержинского «Былины Восточной Сибири (Новые записи)», Э. С. Литвин «Фольклорные источники „Сказа о тульском косом Левше и о стальной блохе“ Н. С. Лескова», С. И. Минц «К вопросу о фольклоризме В. Г. Короленко («Слепой музыкант»)».

Однако и в этом виде восьмой выпуск из-за развернувшейся кампании «борьбы с космополитизмом» издан не был. Через несколько лет «правопреемником» «Советского фольклора» стал

⁹¹ См.: *Иванова Т. Г.* Иван Дмитриевич Фридрих и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома // *Русская история и культура : Статьи. Воспоминания. Эссе : Сборник статей / Под ред. Ю. К. Руденко.* СПб., 2007. С. 337—369.

пушкинодомский «Русский фольклор : Материалы и исследования», первый выпуск которого вышел в 1956 г.

Помимо «Советского фольклора» по предвоенным планам Отдела фольклора предполагалось также продолжить издание бюллетеней Фольклорной комиссии, первый опыт которого был осуществлен в 1934 г.⁹² Редактором этого периодического органа был назначен Н. П. Андреев. Бюллетень, состоявший из информационных сообщений из Карелии (А. Н. Лозанова), Белоруссии (М. Я. Гринблат), Грузии (М. Я. Чиковани) и т. д., был собран в 1939 г.,⁹³ но издание, к сожалению, не состоялось.

Отдельным пунктом в планах 1940 г. значится работа по переизданию классиков отечественной фольклористики. Совместно с Отделом западных литератур фольклористы Пушкинского Дома готовили т. 2—3 (эпос) Собрания сочинений А. Н. Веселовского (В. М. Жирмунский, В. Ф. Шишмарев и М. К. Азадовский).

В предвоенные годы в Отделе фольклора готовились три диссертации. В 1940 г. А. М. Астахова начала работу над докторской диссертацией «История былин на Севере». Работа эта была закончена во время Великой Отечественной войны в Казани, куда был эвакуирован Пушкинский Дом, и защищена 1 декабря 1944 г. уже по возвращении института в Ленинград.⁹⁴ Е. В. Гиппиус к 1 декабря 1940 г., согласно планам этого года, предполагал завершить докторскую диссертацию «Правобережные северодвинские диалекты русской народной песни». Защита не состоялась. Докторской диссертацией, защищенной в июне 1957 г., стала другая работа — о сборниках русских народных песен М. А. Балакирева.⁹⁵ Над кандидатской диссертацией «Дооктябрьский рабочий фольклор» в рассматриваемый период работала П. Г. Ширяева. Защита (формулировка темы: «Рабочий фольклор первой русской революции») состоялась 15 мая 1946 г.⁹⁶

⁹² См.: Фольклор : Бюллетень фольклорной секции Института антропологии и этнографии АН СССР. Л., 1934.

⁹³ См. рукопись: РО ИРЛИ, р. V, кол. 17, п. 30, № 2.

⁹⁴ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 4, № 1 (Материалы по защите докторской диссертации А. М. Астаховой «Северный период в истории русской быliny»). Диссертация издана в виде монографии: *Астахова А. М.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.

⁹⁵ Материалы и статьи к 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса. М., 2003. С. 12. Отражением докторской диссертации Е. В. Гиппиуса является сборник: *Балакирев М. А.* Русские народные песни для одного голоса с сопровождением ф.-п. / Ред., предисл., исслед., примеч. Е. В. Гиппиуса. М.: Музыка, 1957.

⁹⁶ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 4, № 29 (Материалы по защите кандидатской диссертации П. Г. Ширяевой «Рабочий фольклор первой русской революции»).

В предвоенные годы Отдел фольклора работал также над рядом сборников фольклорных текстов, как получивших выход в печать, так и неосуществленных.

К 1939 г. были готовы к сдаче в печать первый том сборника «Песни Пинежья», подготовленного Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд,⁹⁷ и второй том «Былин Севера» А. М. Астаховой.⁹⁸ Издание их было заложено в предложенную смету на 1939 г. Однако, как известно, первый том «Песен Пинежья» так никогда и не вышел в свет,⁹⁹ а второй том «Былин Севера» был издан уже после Великой Отечественной войны в 1951 г.

Следует подчеркнуть, что Фольклорная комиссия народов СССР (и наследовавший ей Отдел фольклора народов СССР) работала в тесном контакте с исследователями из других научных учреждений. В связи с этим многие издания готовились сторонними специалистами, но получали консультативную и редакторскую поддержку Комиссии и включались в ее планы.¹⁰⁰

Так, в рассматриваемый период шла работа над переизданием «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга, которое готовил А. И. Никифоров, в 1936—1942 гг. являвшийся профессором Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского. По непонятным причинам второй и третий тома под общей редакцией М. К. Азадовского вышли в свет еще в 1938 г.¹⁰¹ Окончание же подготовки первого тома намечалось на 1939 г. Это издание, вошедшее в науку как 3-е издание «Онежских былин», напомним, завершено не было. Корректуру первого тома А. М. Астаховой довелось читать в самом начале Великой Отечественной войны,¹⁰² но издание тома в условиях ленинградской блокады не состоялось. Уже после войны на основании данного 3-го издания

⁹⁷ Вышел только второй том: Песни Пинежья : Материалы Фонограммархива, собранные и разработанные Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд. М., 1937. Кн. 2.

⁹⁸ Былины Севера / Записи, вступ. статья, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938—1951. Т. 1—2.

⁹⁹ В настоящее время рукопись тома находится в рукописном фонде Фонограммархива Пушкинского Дома.

¹⁰⁰ Полагаем, что переименование в 1937 г. Фольклорной секции Института этнографии АН СССР в Фольклорную комиссию народов СССР было связано с практикой М. К. Азадовского по широкому привлечению фольклористических сил Ленинграда и других городов к осуществлению задуманных изданий.

¹⁰¹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 3-е изд. / Подгот. текста, коммент. А. И. Никифорова. М.; Л., 1938. Т. 2: Киж. Выгозеро; Т. 3: Водлозеро. Кенозеро. Моша.

¹⁰² См.: Иванова Т. Г. Фольклористы Пушкинского Дома в годы Великой Отечественной войны // Традиционная культура. М., 2005. № 2 (18). С. 16—17.

было подготовлено 4-е издание этого классического былинного собрания.¹⁰³

По планам 1940 г., А. И. Никифоров, работавший по договору, должен был представить сборник «Северные сказки, записи экспедиций 1926—1928 гг.». Это издание, раскрывающее материалы экспедиций ГИИИ, было осуществлено много позднее В. Я. Проппом.¹⁰⁴

Отдел фольклора сотрудничал также с В. И. Чернышевым, который по планам 1939 г. готовил издание сказок пушкинских мест. Этот сборник, включающий в себя записи из Пушкинского и Бежаницкого районов Псковской области и из Болдинского района Горьковской области, был напечатан в 1950 г.¹⁰⁵

Среди предвоенных планов ленинградских фольклористов значится сборник «Былины и исторические песни донских казаков», который готовил А. М. Листопадов при консультативной поддержке А. М. Астаховой и Е. В. Гиппиуса. Надо полагать, что отголосками этого проекта стали сборники, вышедшие также в послевоенный период.¹⁰⁶

Еще одним проектом предвоенного периода был сборник текстов, посвященный советскому фольклору. В связи с этим в 1939 г. намечалась экспедиция А. М. Астаховой в район г. Сталинграда (ныне Волгоград). Очевидно, что и сама тема (советский фольклор), и выбор региона для полевой работы обусловлены идеологическим прессингом периода культа личности Сталина. Фольклористы надеялись в районе бывшего Царицына, в обороне которого от Белой армии, согласно официальной советской историографии, главную роль сыграл Сталин, найти устные песенные и прозаические произведения, воспевающие «великого вождя».

В 1941 г. в планах Отдела фольклора появляется сборник «Сталин и фольклор» (другое название: «Сталин в фольклоре народов СССР»), идея которого возникла в связи с грядущим 25-летием Октябрьской революции (1942). Согласно сохранившимся индивидуальным планам,¹⁰⁷ Н. П. Андреев намеревался написать для этого издания статью «Фольклор и литература». А. Н. Лозанова

¹⁰³ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. / Подгот. текста, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова; Отв. ред. А. М. Астахова. М.; Л., 1949—1951. Т. 1—3.

¹⁰⁴ Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.

¹⁰⁵ Сказки и легенды пушкинских мест : Записи 1927—1929 гг. / Записи на местах, наблюдения, исследования В. И. Чернышева; Подгот. к изд. Н. П. Гринковой, Н. Т. Панченко. М.; Л., 1950.

¹⁰⁶ *Листопадов А. М.* 1) Донские былины. Ростов н/Д., 1945; 2) Донские исторические песни. Ростов н/Д., 1946; 3) Былинно-песенное творчество Дона. Ростов н/Д., 1948.

¹⁰⁷ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1941, № 46.

планировала составление библиографии по данной теме, статью «Сталинская тема в сказке», а также экспедицию в Сталинградский район. Этот проект, в значительной мере трансформированный, в послевоенный период был доведен до корректуры, хранящейся в РО ИРЛИ: «Сталин в поэзии народов СССР» (сост. В. А. Кравчинская, М. Я. Парижская (Мельц), Г. Г. Шаповалова, П. Г. Ширяева; Отв. ред. А. М. Астахова).¹⁰⁸

Наконец, остановимся на экспедиционно-собирательской деятельности Отдела фольклора в 1939—1941 гг. Основные экспедиции этого времени были связаны с реализацией еще одного проекта Пушкинского Дома, заявляемого в предвоенных планах, — со сборником «Фольклор Ленинградской области». Подготовка этого издания значится в планах 1940 г., где имеется пункт «Материалы Рукописного хранилища Фольклорного отдела». Отдел фольклора, как можно понять, важной задачей считал публикацию своих экспедиционных материалов. Издание «Фольклор Ленинградской области» в планах значится как том 3 из серии «Материалы Рукописного хранилища Фольклорного отдела».¹⁰⁹ Надо полагать, что первыми двумя томами мыслилось двухтомное издание «Былины Севера» А. М. Астаховой (1938—1951). Подготовка сборника «Фольклор Ленинградской области» в 1940—1941 гг. планировалась А. Н. Лозановой (впоследствии она отошла от этого издания) и В. А. Кравчинской.

К 1940 г. в активе ленинградских фольклористов была уже экспедиция 1937 г. А. М. Астаховой и Н. П. Колпаковой в районы, которые, согласно территориально-административному делению того времени, входили в Ленинградскую область: в Кирилловский, Петриневский и Мяксинский районы (ныне Кирилловский и Череповецкий районы Вологодской области).¹¹⁰ В сборник планировалось также включить материалы, записывавшиеся сотрудниками ИПИНа и ИАЭ в Ленинграде и пригородах начиная с 1931 г. на крупных предприятиях, во время майских и октябрьских демонстраций, на Первой областной олимпиаде народного творчества (декабрь 1935—январь 1936 г.).

«Фольклор Ленинградской области», повторим еще раз, — это тот проект, вокруг которого в предвоенные годы развернулась экспедиционно-собираТЕЛЬСКАЯ деятельность Отдела фольклора. Как уже было сказано выше, Ленинградская область в этот период включала территории, ныне относящиеся к другим областям России: отдельные районы современных Вологодской, Новгородской и Псковской областей. В связи с этим экс-

¹⁰⁸ РО ИРЛИ, р. V, кол. 17, п. 18, № 2 (корректурa; 220 л.); № 1 (машинопись; 679 л.).

¹⁰⁹ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 11, л. 66.

¹¹⁰ РО ИРЛИ, р. V, кол. 75, п. 1—2.

педиционные маршруты, связанные со сборником «Фольклор Ленинградской области», были весьма разнообразными.

В конце марта—начале апреля 1939 г. В. А. Кравчинская в Маловишерском районе работала с талантливой исполнительницей с хутора Марино Грушинского сельского совета Оксиньей Григорьевной Лебедевой (ныне Новгородская область). От нее собирательнице удалось записать сказки, заговоры, описание свадебного обряда и песни. В настоящее время эти материалы составляют коллекцию 96 (2 папки) в фольклорном хранилище Рукописного отдела Пушкинского Дома.

На следующий год, в конце января—феврале 1940 г., В. А. Кравчинская обследовала фольклорную традицию в г. Боровичи и Кончанском сельском совете Боровичского района — в бывшем имении А. В. Суворова (ныне Новгородская область). Экспедиции были посвящены две статьи фольклористки, опубликованные в боровичской газете «Красная искра».¹¹¹ Из статей явственно вытекает, что собирательницу интересовали в первую очередь прозаические сказы советского содержания (о Гражданской войне, о встречах с В. И. Лениным и т. д.). Соответствующий материал В. А. Кравчинская записывала от работников местного завода «Красный керамик». Равным образом она вызывала исполнителей на рассказы о крепостном праве, а также о Суворове. Методика получения советских сказов у фольклористов к 1940 г. уже была отработана, поэтому задачу записи советского фольклора собирательница выполнила вполне успешно. Тем не менее в работе В. А. Кравчинской объективно порой возникали свидетельства подлинного состояния устной традиции. В отчете фольклористки любопытно замечание о частушках. По-видимому, вопреки собственным ожиданиям, сформированным идеологическими установками, она вынуждена была констатировать: «...советских частушек мне удалось записать очень немного: большинство советских частушек книжного происхождения. И сами исполнители говорили: „Это мы из песельников взяли“ или „слышали по радио“».¹¹² В Боровичском районе собирательнице удалось записать также исторические песни о казаке Платове, восстании декабристов, турецкой войне и пр. Лирика помимо «тяговых» (протяжных) песен была представлена песнями на слова Пушкина, Рылеева, Лермонтова, Некрасова и др. В настоящее время материалы В. А. Кравчинской — полевые и машинописные копии — составляют в фольклорном архиве Пушкинского Дома папки 1—3, 24 и 29 в коллекции 105.

¹¹¹ *Кравчинская В.* 1) Фольклор Ленинградской области // Красная искра. Боровичи, 1940. 2 февр. № 23; 2) Живая летопись // Красная искра. 1940. 17 февр. № 39.

¹¹² РО ИРЛИ, р. V, кол. 105, п. 1, № 1, л. 4.

В собирательской работе в 1930-е гг. очень большое место занимали установка контактов фольклористов с грамотными носителями устной традиции и нацеливание их на запись своего репертуара. В названных выше газетных статьях В. А. Кравчинская напрямую обращалась к читателям «Красной искры» с призывом записывать фольклор и присылать его произведения в Институт литературы. Эта же просьба звучала и в ее разговорах с исполнителями, с которыми она встречалась. Свидетельством эффективности подобной практики являются фольклорные записи и письма исполнителей, отложившиеся в разных фольклорных коллекциях Пушкинского Дома. Так, весьма интересным с точки зрения бытования пословиц в конкретных жизненных ситуациях нам представляется письмо боровичанки М. Ф. Шитиковой, посланное В. А. Кравчинской в марте 1940 г., т. е. вскоре по окончании экспедиции. Здесь имеются замечания о пословицах, которые она выслала ранее собирательнице: «Вера Александровна, вы спрашиваете, откуда я знаю пословицы. Я их знаю давно, не сейчас, я знаю их с детства. Мне много говорила моя мама. Вот пословица „рад бы в корольки, да животки коротки“ мне говорила мама. Потом у нас был отец большая пьяница, и вот она бывало плачет-плачет, а потом и скажет „Ох, доченька, при худе худо, а без худа еще хуже“. Потом, когда я пошла в ученье в портнихи, мне было 12 лет, она мне и наказала: „Смотри, доченька, не бери ничего чужого. Береги честь смолоду, будь бедная, но честная. Знай, что бедность не порок“».¹¹³

В фольклорном архиве Пушкинского Дома отложилось также письмо Сергея Яковлевича Шатуланова из д. Кузово Боровичского района, адресованное В. А. Кравчинской. При письме было 16 песен (кол. 105, п. 29, № 1).

Одновременно с В. А. Кравчинской в Ленинградской области в январе—феврале 1940 г. работали другие собиратели. Так, фольклорную традицию станции Угловка того же Боровичского района обследовала П. Г. Ширяева (кол. 105, п. 23).

Напомним, что в 1930-е гг. Фольклорная комиссия и в бытность в Институте по изучению народов СССР, и в Институте этнографии АН СССР активно привлекала для экспедиций ленинградских студентов. Эта практика продолжалась и в Институте литературы. В январе—феврале 1940 г. одновременно с В. А. Кравчинской и П. Г. Ширяевой в другом районе Ленинградской области — Порховском (ныне Псковская область) — работали студенты Н. Н. Алексеев и Е. А. Степанова, обследовавшие Воротицкий, Березовский и Чебуревский сельские советы (их материалы составляют папку 7 в той же коллек-

¹¹³ РО ИРЛИ, р. V, кол. 105, п. 3, № 25. В процитированном тексте исправлены орфографические и пунктуационные ошибки.

ции). Данная экспедиция также способствовала установлению контактов Пушкинского Дома с одним из исполнителей — В. Н. Никандровым, приславшим в начале января 1941 г. в Институт сказку «Как поп обманил коммуниста» (папка 8). Записи были сделаны в то же время в Старорусском районе (папка 9 и 9 d; ныне Новгородская область; М. В. Семенчук).

Работа над сборником материала для сборника «Фольклор Ленинградской области» была продолжена в 1941 г. В январе в Ленинграде проходила Областная олимпиада народного творчества. В рамках этого мероприятия В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева записали репертуары Едровского хора из Валдайского района (ныне Новгородская область) и знаменитого песенного коллектива «Гдовская старина» (ныне Псковская область). Эти материалы составляют папку 6 в коллекции 105. П. Г. Ширяева в феврале 1941 г. ездила в Окуловский район (кол. 105, п. 23, № 12; ныне Новгородская область); в мае 1941 г. — в Середкинский район близ Пскова (кол. 105, п. 25).

Сборник «Фольклор Ленинградской области» к началу войны, по-видимому, был в значительной степени готов к печати, но выйти в свет не успел. Война неизбежно заставила во многом пересмотреть задачи этого издания, в результате чего уже в 1945 г. фольклористы Пушкинского Дома возобновили собирательскую работу. В марте 1945 г., еще до окончания войны, в Ленинграде был проведен смотр художественной самодеятельности, в рамках которого пушкинодомцы сделали записи песен (кол. 105, п. 14). В том же году состоялось несколько экспедиций в Ленинградскую область: А. Н. Лозанова ездила в Лужский район (кол. 105, п. 11), П. Г. Ширяева — в Гатчинский (кол. 105, п. 26) и Ораниенбаумский районы (кол. 105, п. 27), Е. Орехова и Л. Пахаева (по-видимому, студенты) — в Сланцевский (кол. 105, п. 10) и Волосовский районы (кол. 105, п. 13). Экспедиционная деятельность продолжалась и в 1946—1949 гг.

«Фольклор Ленинградской области» претерпел определенные трансформации, и в конце концов был осуществлен в виде сборника «Русские народные песни, записанные в Ленинградской области: 1931—1949 гг.»,¹¹⁴ вышедшего в 1950 г. Книга открывалась разделом «Песни наших дней» (авторские песни, записанные на демонстрациях); затем следовали рабочие песни, песни исторические и бытовые. Предполагался второй том — сказки и сказы, которые готовила П. Г. Ширяева,¹¹⁵ но издание не состоялось.

¹¹⁴ Русские народные песни, записанные в Ленинградской области : 1931—1949 гг. / Сост. В. А. Кравчинская, П. Г. Ширяева; Ред. А. М. Астахова; Муз. ред. Ф. А. Рубцов. Л.; М., 1950.

¹¹⁵ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1947, № 10, л. 2.

Таковы основные проекты, реализованные и неосуществленные, над которыми работали сотрудники Отдела фольклора народов СССР Института литературы АН СССР в 1939—1941 гг. Два предвоенных года были, вероятно, не самым ярким эпизодом в истории ленинградской науки о «живой старине», однако именно в этот период фольклористика укоренялась в стенах Пушкинского Дома, а сами фольклористы становились пушкинотомцами.